

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВЪ

СТАСС
БАБИЦКИЙ

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПРЕМУЧИЙ СТУДЕНЬ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Бабицкий, Станислав Александрович.

Б12 Гремучий студень / Станислав Бабицкий. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Изобличитель. Имперский детективъ).

ISBN 978-5-04-161616-8

Октябрь 1875-го москвичи запомнят надолго! Что ни день — преступление. Сначала ограбили сберегательную кассу, нагло, среди бела дня, на глазах у всего честного народа. Затем при загадочных обстоятельствах погиб актер Малого императорского театра Михаил Столетов, любимец публики и прекрасных дам. Не успели высохнуть слезы, а на пороге новая беда. В редакцию «Московских ведомостей» подбросили листовку с угрозами: скоро взорвутся самодельные бомбы с гремучим студнем, и Москва утонет в крови!

Сыщик Мармеладов подозревает, что три преступления связаны, и берется расследовать их одновременно. Ему помогает юная журналистка Лукерья...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161616-8

© Бабицкий С.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Цилиндр и треуголка

I

Москва промокла насквозь. До Сергия-капустника небо лишь хмурилось, а с Покрова начался суший потоп. Утренняя морось сменялась полуденной грозой, к вечеру налетал ветер с охапкой новых туч и скручивал их над городом, словно прачка, выжимающая белье. Лило, лило по всей земле! Люди дрожали и прятались под крыши, поминая святых угодников или чертову мать, в зависимости от степени набожности. Золотая осень, которую так любили воспевать поэты, в этом году загуляла где-то в европейских пасторальных. Вернулась одиннадцатого октября, смущенная и робкая. Выползла из подворотни, потягиваясь, как большая кошка, зашуршала хвостом из опавших листьев и потерлась рыжим боком о начищенные до блеска сапоги городского Кашкина.

Городовой жмурился на неожиданно яркое солнце и блаженно улыбался. Первый погожий денёк осени, он же, может статься, и последний. А бабушка в деревне сказывала: «Завсегда береги глаза на осеннем пригреве, не то песий сосок вскочит». Ко-
му же охота такую напасть?!

По этой причине Кашкин почти не обратил внимания на высокого господина в черном плаще, прошедшего мимо. Разлепил веки лишь на мгновение — оценил роскошный цилиндр, благородную седину на висках, окладистую бороду и солидный живот, на бланманже да гурьевских кашах наетый. Шагает прохожий в сберкассе на Солянке. Третьего дня объявили сбор пожертвований на новые корабли для российского флота. Людской поток не иссякает, даже в воскресенье приходится работать — дело то благое, государству полезное. Пусть идет добрый сын Отечества, несет свои денежки...

С подобной же мыслью встретил незнакомца кассир. Рука его сразу потянулась к казенному бланку, а другая поправила очки.

— Взнос изволите? — Клерк растянул губы на пару секунд, превращая лицо в деловито-дружелюбную маску. — На какую сумму?

Посетитель снял цилиндр, церемонно поклонился и, в свою очередь, спросил:

— Могу ли я видеть господина директора?

Ничего необычного в этом вопросе не было. В связи со сбором средств для флота на превышение лимита вкладов в 300 рублей смотрели сквозь пальцы. Но так как любая подобная операция считалась — формально, милостивый государь, только формально-но! — нарушением устава ссудно-сберегательной кассы, каждый раз требовалась одобрительная подпись начальника.

— Иван Лукич, вас просят! — крикнул кассир в коридор, не видный из-за конторки.

Затем макнул перо в чернильницу и неторопливо начал заполнять первые строчки бланка: «Принято по согласованию с господином Шубиным И. Л...» Почерк у него был каллиграфический, приятный глазу, посетитель невольно засмотрелся и не заметил, как появился упомянутый господин Шубин.

— Чем могу-с? — не тратя время на расшаркивания, спросил тот.

Господин в цилиндре тоже не стал ходить кругами, распахнул плащ и открыл под ним большую жестяную коробку, висевшую на шее.

— Тут у меня бомба, которая сию же минуту разнесёт это здание и похоронит всех под обломками. Если вы не передадите мне деньги из во-он того несгораемого шкапа!

II

Кашкина разбудили бесцеремонной оплеухой. Он вытянулся во фрунт, начал оправдываться: виноват-де, на минуточку прислонился к деревцу да глаза прикрыл... И мысли не возникло рывкнуть «По какому праву?!» Мало кто отважится ударить человека в форме, если ему это не по чину. Городовой проморгался, оценил мертвенную бледность директора сберкассы и сразу все понял:

— Ограбили?

Шубин ничего не ответил, но кассир, маячивший за его плечом, кивнул. При этом впечатался лбом точнехонько в затылок начальника.

— Чего ты бодаешься... Скотина! — возмутился тот. — Беги в участок, скажи квартальному, чтобы

мигом шел сюда со своими людьми... Постой, по- стой! Чучело... Конттору-то запри. Растащат послед- нее!

Финансист глянул на серые тучи, наползающие с востока и грозящие скорым дождем. Поежился. Но лучше сто раз промокнуть, чем ответ за недостачу держать. Впрочем, обеих неприятностей не избег- нуть, посему будет нелишне проявить рвение. Или хотя бы видимость рвения.

— А мы с тобой, сиволапый, пойдем грабителя догонять. Помчимся быстрее ветра! И так уж десять минут потеряли!

Кашкин застегнул мундир на все пуговицы.

— Чего же прежде не спохватились? Один сви- сток — и я скрутил бы гада.

— Во сне? — огрызнулся Шубин. — Ты лучше не зли меня. Иди, справься у дворника, какой дорогой ушел господин в цилиндре.

Раздражение его происходило от одного факта: стыдно было признаваться в малодушии. Он ведь незнакомцу на слово поверил. Год назад вряд ли бы поежился от такой угрозы. Эх, да что говорить, год назад, услышав про бомбу, никто и ухом бы не повел. Но в последнее время столько слухов ходит о проделках треклятых бомбистов. Взрыв там, по- кушение сям. В Петербурге по весне раскурочи- ли особняк графа Шувалова, а в июле спрятали ад- скую машину на вокзале — рвануло так, что поезд с рельсов сошел. Тела убиенных прямо на перроне разложили, накрыли дерюгой, а жандармы об них спотыкались... Мудрые люди говорили: «Ну, то сто- лица. До Москвы не доберутся, что им тут куроле-

силь». А в прошлом месяце бунтари бросили бомбу в контору обер-полицмейстера. Пятеро погибших, две дюжины раненых. Тайного советника Чарушина увезли в больницу после ужасной контузии. Если уж такая жуть творится... Как в бомбу-то не поверить?!

Шубин гнал от себя мысль о том, что коробка на шее господина в цилиндре была пустой. Возможно, стоило побороться с грабителем или крикнуть городского. Но Иван Лукич категорически не хотел умирать, тем более умирать болезненно, разлетаясь на мелкие кусочки. Поэтому выдал по требованию все деньги. И те, что успели собрать на новые корабли, и собственные фонды сберкассы. Самолично упаковал в гербовую бумагу, перевязал бечевкой для надёжности. А потом грабитель велел десять минут не двигаться с места и не шуметь. Кассир порывался звать на помощь, но директор останавливал: «Погоди, а ну как сообщники «цилиндра» за дверью ждут. С ножичками». Послушно терпели, поглядывая на часы. Выждали с запасом, одиннадцать, чтоб уж наверняка.

Подбежавший городской доложил:

— Дворник видел, в Свиныйинский переулок банда свернула. Надо торопиться. Иначе дойдет до Хитровки, и поминай как звали!

Поспешили по следам хорошо одетого господина. Кучер, чинивший колесо экипажа, подтвердил:

— Агась. Был такой. Шел медленно, по сторонам не смотрел.

— А пакет в руках нес? — приплясывал от нетерпения финансист. — С гербовым орлом?

— Агась. Был такой. На вид увесистый.

— Куда направился?

— К церкви. Видите, впереди белые стены? Остановился, снял шляпу свою заморскую, перекрестился трижды. И дальше уж свернул в Подколокольный.

— Ей-ей, к Хитровке идет! Пропали денежки! И я пропал... Пропа-а-а-ал! — причитал Шубин.

— Не переживайте, догоним, — утешал Кашкин. — Давайте-ка поднажмем, Иван Лукич!

Городовой бежал, придерживая левой рукой саблю, а правой — фуражку. Следом, пыхтя и отплевываясь, катился пухлый директор сберкассы. Со стороны это выглядело презабавно. Встречные прохожие хихикали, но дорогу уступали, только у входа на Хитров рынок татарчата, играющие в ласи¹, кубарем покатались под ноги. Кашкин споткнулся, но сумел удержаться. Поймал одного из хулиганов за ухо.

— Ишь, шельмец! В кутузку захотел?

Чернявый мальчишка заголосил:

— Пусти, дядь! Больно! Чем я виноват-то?

Продолжая крутить ухо, городовой объяснил, обращаясь через голову постреленка к Шубину:

— Полюбуйтесь, Иван Лукич, какую каверзу эти бестии придумали. Роняют вот так прохожего. Тут же охают, ахают, помогают подняться. Отряхива-

¹ Московская уличная игра, популярная в те годы. Правила простые: водящий крутится на одной ноге, остальные подбегают и пытаются сорвать с него шапку. Кто сорвал — тот и победил. Но если водящий осалит нападающего другой ногой, тот занимает его место.

ют пыль с одежды. А заодно воруют деньги, часы, — все, до чего смогут дотянуться. Тем и промышляют.

Кашкин был, в сущности, неплохим полицейским, дело свое знал добре. Вот если бы еще поменьше ленился да не засыпал в карауле, давно бы выслужился в околоточные надзиратели. Он тут же учинил воришке допрос. Татарчонок сознался, что видел бородача в блестящей шляпе.

— Хотел в карман залезть, но ён зыркнул, аж сердце захолодело. Сверток? Да-да, ён на боку сверток нес. Локтём придерживал, никак нельзя было выхватить. Бежал я за ним до Трёх Святителей.

— Больших или Малых?

— Больших, дядь. Пусти ухо-то!

— Значит, говоришь, на Хитровку не завернул? — Городовой насупил брови. — А не брешешь, часом?

— Чтоб мне хлеба не жрать! — Мальчишка щелкнул ногтем по передним зубам. — Ён по переулку шел, а я следом. Проводил, почти до самого сада, но так момента и не улучил. Еле успел вертануться, а тут вы налетели.

— Ты мне разговорчики-то брось! Кто еще на кого налетел, — подзатыльник Кашкин отвесил крепкий, аж ладонь загудела. — Беги, и чтобы больше со своей ордой не бедокурил!

Шубин хотел дать мальцу монетку за точные сведения, сунул руку в левый карман, потом в правый, залез во внутренний, чуть не по локоть.

— Ограбили, — пролепетал он. — Как есть ограбили! Второй раз за день. Стой, гаденыш!

Но стайка карманников уже приснула во все стороны, поди догадайся, кто улепетывает с кошельком.

«Ладно, пусть их! — думал банкир на ходу, поскольку бежать уже не было сил. — Снявши голову, о волосах не рыдают. Что там, в карманах, было то, рублей пятнадцать от силы. Бомбист же, подлец, унес почти двенадцать тысяч! Причем бумажными деньгами. Золотом и серебром лежало в кассе еще тысяч шесть, но он не позарился. Понятно, чтобы тяжести не таскать — там выходило не меньше полпуда! Сразу видно, с образованием грабитель. Крестьяне и работяги с фабрик, те в ассигнации не верят. Монету подавай, хоть мелкую, а чтоб звенела!»

Он остановился, задохнувшись от быстрой ходьбы и шальной мысли.

«Кстати... Никто пока не знает, что грабитель оставил кучу денег. Может, поживиться за его счет? Прикарманить остаточек?»

Шубин покачал головой и снова пустился в погоню.

«Нет, вздор! Это же с кассиром придется делиться. Иначе выдаст, мелкий гнус! Но если пополам забрать, все равно по три тысячи выйдет на брата. Стоит рискнуть? Заманчиво...»

Он сбился с шага, задышал быстро и судорожно, словно вот-вот свалится замертво.

«Нет, пустое. В сберегательной кассе уже всю протокол составляют, а значит, никак не можно украсть. То есть можно, конечно, но придется еще на долю квартального отложить да городовым отсыпать. Не так много в итоге достанется, чтоб на

каторгу за это идти. Да и со службы попрут непременно».

Финансист припустил вслед за Кашкиным, который уже сворачивал за угол.

«Хотя, скорее всего, и так попрут, деньги ведь собирались на укрепление флота по личному указу императора. Сгорел, сгорел Шубин!»

— Иван Лукич, — отвлек его от мыслей полицейский, — это что же получается? Грабителя я, хоть и мельком, но разглядел. Одежда у него как у посетителей ресторана на Охотном ряду или оперы какой. По походке, по осанке, по всему выходит, что благородных кровей. С чего же на грабеж сподобился? Налетчики-то обычно костюмчик носят неброский, серенький. А этот — в цилиндре, его ж за версту видно! И на кой ляд солидному господину по скользкой дорожке идти?!

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Шубин. — Среди солидных господ встречается больше воря, чем промеж босяков на Хитровке. Прибавь шагу, увалень!

Они приближались к Кокоревскому саду. Сто лет назад его разбил на холме какой-то подзабытый князь, чтобы в гордом одиночестве любоваться видом на Кремль. Потом по его завещанию здесь устроили пансион для отпрысков дворянских фамилий. А недавно имение выкупил купец Кокорев, открыл тут гостиницу и пускает в сад всех желающих. «А как сделаешь что-то для людей, тут и конец всему! — подумал директор сберкассы. — Уже и лестница на холм обветшала, и каменные ступени трещинами пошли, рассыпаются под ногой.

Зато все эти новоявленные социалисты рады-радешеньки: всегда было только для дворян, а теперь всякий может зайти и нагадить. Обязательно нагадить, именно потому, что не дворяне, а варвары. Вот сначала садик, потом и вся империя падет под их грубым напором. Ох, беда, беда. Может, и вправду взять оставшиеся деньги и сегодня же бежать в Женеву? Пока не поздно...»

— Вот он! Попался! — прокричал городской, опередивший задыхающегося Шубина на семь ступенек.

Когда финансист поднялся на верхнюю площадку, глазам его открылось невероятное зрелище. Возле цветочной клумбы сидел грабитель. Привалился спиной к подножию каменной чаши, цилиндр откатился на пару шагов, но он этого не замечал. Отрешенно смотрел на жестяную коробку, которую держал на коленях. Куда подевался былой апломб, с которым этот тип вошел в сберкассу? Сейчас он больше всего напоминал человека, сбитого резво скачущей лошадью. Бандит даже не поднял на них глаза, все смотрел на бомбу и шептал себе под нос:

— Обманули... Они меня обманули.

Но самое странное, а для Шубина это оказалось еще и самым страшным, — свертка с деньгами нигде не было.

III

К вечеру снова обрушилась непогода. Дождь в одно мгновение смыл солнце за горизонт, только что высушенные бульвары и подворотни утонули в серой слякоти. А вслед за ними зябко задрожали

парки и сады, включая Кокоревский, где дежурили Кашкин и два его сослуживца.

— Вот ты, Мартын, ноешь и ноешь. Зачем, дескать, мы тут кулючим... А нам доверена охрана места про-ис-шествия. — Героя дневного задержания поначалу хотели представить к награде, но когда узнали, что он проспал момент ограбления и денег потом не нашел... Сослали в ночной караул, и это Кашкин еще легко отделался. — Завтра ждут следователя из Петербурга. Особо важного! По телеграфу в Охранное отделение сообщили про бомбу, а оттуда ответ пришел: стеречь пуще глаза место про-ис-шествия и задерживать любого, кто ночью сунется. Для выяснения, значит.

— Так-то оно так, но лучше бы нам дежурить в сберкассе. — Мартын, невысокий юнец с заячьей губой, кутался в черный клеенчатый плащ с капюшоном. — Под крышей. В тепле и сухе.

Третий полицейский, Евсей, краснорожий крепыш из бывших крепостных, курил дрянную махорку, прикрывая самокрутку ладонями от дождя и ветра.

— А что же, непременно нужно ждать шишку из столицы? — покашливая, спросил он. — Нешто сами не справимся?

— Хрен знает, — пожал плечами Кашкин, — может, справимся, а может, и нет. Но раз в деле замешаны бомбисты, значит, оно сразу какое?

— Известно какое. Политическое.

— О! А значит, без особого следователя никак нельзя!

Городовым полагалось патрулировать сад, обходить его по периметру каждые полчаса, а в остальное время контролировать лестницу, смотровую площадку и зону отдыха. Но в этом углу, где сплелись кроны больших деревьев, было тихо и почти не капало. Потому все трое тут и стояли. А выйдешь из укрытия, пиши пропало! Промокнешь насквозь, да еще и за шиворот натечет...

— Ты признавайся, как с бомбой справился! — Евсей толкнул приятеля в плечо, нарочно, чтобы тот охнул.

Историю эту Кашкин пересказывал уже трижды, но с каждым заходом она обрастала новыми, уже совершенно фантазийными деталями, поэтому слушать не надоедало.

— Ну как... Открыл я, значит, жестянку. Надо же посмотреть, вдруг там бомбы никакой и нет. А она есть. На первый взгляд как холодец из свиных мослов. На самом доньшке склянка тоненькая, и к ней две гайки привязаны. Чуть встряхнешь, стекло лопнет, и этот студень взорвется. Погибнем все неминуемо! Помощи ждать неоткуда. Грабитель в полной прострации от страха. Директор ограбленный за сердце хватается, блеет что-то про деньги. Взял я жестянку эту и понес тихонечко, шаг за шагом... Смотрю вокруг — бабы, дети. А мне, как назло, чихнуть захотелось. Свербит, что у девицы на выданье. А как тут чихнешь, ежели от любого сотрясения эта зараза взорвется.

— Ну?

— Вот тебе и ну! Полверсты тащил, в любую минуту жизнью рисковал... — тут городской зака-

тил глаза к небу, хотя в темноте это смотрелось не слишком эффектно.

На самом деле все было не совсем так — бомба по-прежнему висела на шее у грабителя, а Кашкин его лишь конвоировал, чтобы не сбежал. Но если человек врет часто и нагло, то и сам в какой-то момент начинает верить в собственные рассказы.

— Пришел на набережную, вижу — лодок нет, пустая Яуза. Размахнулся и кинул бомбу на середину реки. Она чуток побулькала и взорвалась под водой. Такая волна поднялась, меня на берегу с головой накрыло. Насквозь промок, хотите — пощупайте.

— Ливень же, — затянулся самокруткой Евсей. — Все мокрые.

— Не скажите. Меня промочило до исподнего!

— Может, ты от страха исподнее-то промочил, — хохотнул Мартын. — А нам шупать предлагаешь...

Помолчали. Кашкин насупился, вроде как от обиды, но остальные понимали, что это только поза и вот-вот последует продолжение. Оно и последовало.

— Коробка-то два пуда весила, — заговорил городской, потирая шею. — И ещё толстенная цепь на ней. Пока дотащил, плечо себе вывихнул.

— Два? Ты же всего час назад говорил, что пуд, — срезал болтуна Евсей.

— А хоть бы и пуд, — не смутился тот. — Все одно тяжелая.

— Как же ее грабитель на шее таскал и вообще не сутулился?

— Ты еще определись, куда бомбу кинул, — уточнил Мартын. — То говорил, в Москву-реку, а теперь, выходит, в Язу?

— А эта... Мы до Устьинского моста дошли. Там же стрелка, две реки сливаются. Обшибся в прошлый раз, братцы.

— Просто враль ты, стыда не ведающий, — без всякого осуждения проговорил Евсей, затягивая новую самокрутку. — А мне знакомец сказывал давеча, что пока ты тащил бомбу, на набережную успели прискакать два сапера из артиллерийского батальона. За ними послали, как только кассир тревогу поднял. Аль нет?

— Подумаешь, саперы...

— Они-то бомбу открыли. Со всеми осторожностями, чтоб не рванула. А ты отбежал подальше, рухнул на колени, рыдал, молился.

— Молился. А чего же плохого-то в молитве?

— Перетрухнул ты неслабо, выходит, а взрывчатка оказалась фальшивой.

— Как? — ахнул Мартын.

— Так, — хитро прищурился Евсей. — Наш герой не случайно холодец поминал. Им коробку и наполнили, издали похоже на гремучий студень, но армейские понюхали и зараз уяснили, что это не бомба вовсе, а шутиха. Опасности никакой! Поэтому ни в сберкассе, ни в саду, ни в реке ничего бы не чебурахнуло.

— Проведал, значит... Зачем же меня три раза пересказывать просил? — засопел Кашкин.

— Уж больно красиво брешешь. Заслушался невольно.

— Погодите, я не понял, — юнец с заячьей губой нервно сглотнул. — Ежели это розыгрыш, зачем же следователь едет из Петербурга?

— Небось не успели предупредить. Он сорвался в Москву, а как доберется, тут и огорошат: зря то-ропились, ваш-бродь! То-то разозлится столичный чин. Заорет: «Подать сюда Кашкина, тудыть-растудыть! Сто плетей ему за ложную тревогу! А лучше все двести, чтоб и другим в назидание!»

— Братцы, да как же ж... Я же своими глазами... А вдруг сперва там как раз бомба была, но я помоллся, и Господь милосердный превратил взрывчатку в холодец?! Он умеет! Он воду в вино превращал, что ему стоило нас спасти. Вокруг ведь бабы, дети...

— Хорош заливать! — набычился Мартын.

— Ты это дождю скажи! А то мокнем тут, как три сосны на Муромской дороге.

— Погодите-ка, — насторожился Евсей, отбрасывая окурок. — На лестнице... Крадется кто-то.

Мартын испуганно оглянулся.

— Тьфу ты, черт! — Он сбросил капюшон и прислушался. — Вроде тихо. Небось, шавка бродячая забежала, а как нас услышала — прижухла.

— Может, шавка, — Евсей всматривался в темноту. — А может, и черт.

— Так пойдй, проверь.

— Цыц! Раскомандовался он тут. Молод еще, сам и сбегай.

Юнец с заячьей губой шагнул под проливной дождь и тут же вернулся обратно.

— А может, вместе, а? — умоляюще протянул он.

— Боязно одному? — хмыкнул Кашкин. — То-то! На словах все смелые... Ладно, пойдёмте вместе. Гуртом и черта бить легче. Да и по уставу положено!

IV

В это же время, примерно в пяти верстах от промокшего сада, на Пречистенке, из закрытого экипажа вышли два господина в нелепых шляпах. Пробежались, перепрыгивая лужи, чтобы поскорее оказаться под навесом. Здесь выяснилось, что тот, который носил покосившийся цилиндр, — это финансист Шубин. Второй же, одетый в шинель почтмейстера, сбивал дождевые капли с архаичной черной треуголки, украшенной желтым пером.

— И вот представьте, Иван Лукич, — продолжил он разговор, начатый в карете, — поспорили мы с полковником Ковничем, кто на охоте больше фазанов настреляет. Я предъявляю трех, а у него семь, такая вот пропорция... Проиграл, и сорок дней вынужден носить на голове это старье. Неудобно, прохожие на улицах хихикают, дети кричат «пру-сак»! А самое неприятное, набирается в шляпу дождевая вода. Поклонишься при встрече миленькой девице, и тут ей водопад в лицо.

Директор сберкассы не прислушивался к этим словам, погруженный в мрачные мысли. Надежды спастись от сурового наказания уже практически не осталось, поэтому шёл он задумчивый и растерянный, как агнец на заклание. Его спутник толкнул дверь третьего номера.

— Входите, не заперто.

Жилец, несмотря на поздний час, бодрствовал. Сидел у стола, что-то быстро писал. Увидев, как заколебались от сквозняка огоньки свечей, поднял голову.

— Митя, я сразу понял, что это ты, — радушно протянул хозяин, вставая навстречу гостям. — Никто иной без стука не приходит.

— Лишний раз стучать — соседей будить. А ты опять чью-нибудь чистую душу в пепел обращаешь? — почтмейстер указал на исписанные листы. — Сжигаешь на костре критики, словно Великий Инквизитор?

— Нет, не то. Это письмо издателю, который сомневается, стоит ли издавать свежий роман monsieur Верна, французского сочинителя. Конечно же, я эту идею горячо поддерживаю. Вот послушай, — он схватил лист бумаги и стал читать с середины, — «писатель умеет не только подать в сюжете загадку, которую так важно иметь в хорошем романе, к тому же он насыщает книги подробными сведениями из области географии, зоологии, химии и истории. Поистине, от одной книги «Таинственный остров» современным гимназистам выйдет больше пользы, чем от всех реформ графа Толстого!»¹

— Напрасно ты про графа вставил, да еще так язвительно. Этак тебя мигом в вольнодумцы запишут, — предупредил Митя и тут же вспомнил о цели визита. — Ох, голова дырявая! Мы же к тебе не просто заехали. Позволь рекомендовать тебе господи-

¹ Это не тот граф Толстой, о котором все сейчас подумали. Дмитрий Андреевич Толстой, министр народного просвещения Российской империи с 1866 по 1880 год.

на Шубина, Ивана Лукича. Директора сберегательной кассы. Мы вместе в Сандунах паримся. И вот он приезжает на ночь глядя, кричит: «Беда, кошмар, срочно сведи меня со знаменитым сыщиком Мармеладовым!»

— Давно ли я успел знаменитым стать? — поморщился критик. — Подумаешь, помог разобраться с Пиковым тузом, а уже и сыщик!

— Благодарю газетчиков. После статей в «Ведомостях» да в прочих листках для чтения вся Москва гудит. В какой трактир ни зайди, до сих пор судачат про то, как ты одной рукой скрутил душегуба из Нескучного сада, а другой рукой прихлопнул богатеньких развратников из общества Двойной розы. Спроси любого, скажут: пронизательнее Мармеладова человека нет!

Финансист, робко топтавшийся в дверях и делавший лужу натеками с плаща, будто ждал именно этих слов. Выскочил на центр комнаты, озираясь как загнанный заяц. Бросился на колени.

— Ба-а-атюшка-а! Христом-богом заклина-а-аю, — заголосил Шубин. — Я человек не шибко богатый, но к завтрашнему дню... По знакомым соберу... Триста рублей дам! Умоляю, отыщите украденное. Иначе в Сибирь. В Сиби-и-ирь...

Силы покинули его и, распластавшись на полу, дважды ограбленный чиновник потерял сознание.

— Давай перенесем твоего знакомого на диван. — Мармеладов вышел из-за стола, не выказав удивления. — Ух, тяжелый какой. Ростом невелик, а пудов пять весит, минимум... Чего это с ним?

— Его имя давно уже на заметке у полиции. Шубин начинал конторщиком в рязанском банке, у Стрыкова.

— Это который Стрыков? — переспросил сыщик. — Не тот ли, что обещал удвоить вклад любого человека всего за год?

— Он самый, — кивнул Митя. — И ведь удвоил, а многим утроил капиталы. Первые два года щедрейший процент выплачивал. Оттого и слух о чудо-вкладах разлетелся по всей империи. Без газетной хвалы и рекламных плакатов. На третий год в его закрома хлынули миллионы рублей, в том числе и казенных денег. Всем захотелось несметных богатств. Тут-то Стрыков набил мешки ассигнациями и сбежал в Швейцарию, а подручных своих оставил на растерзание толпе и закону.

— Стало быть, Шубин под раздачу попал?

— Нет, ему повезло. За месяц до грандиозного обмана Шубин получил расчет и уехал в Москву. Устроился в сберегательную кассу. Но когда золотой пузырь лопнул, ему досталось за прежние связи. На допросы таскали, свидетелем в суде выступал. И вроде бы помогал следствию, а все одно репутацию загубил. Клеймо по гроб жизни... Это нам с тобой знакомо.

— Да уж... Но выслужился же твой Шубин до директора.

— Семь лет честного труда. Завел семью и привычку к некоторой роскоши. Не высшего сорта, но на баню, водку и лососину вполне хватало. И тут новая пропажа денег. Не мильёны, но тоже нема-

ло. Сразу вызвали пред строгие очи, припомнили былое: «А, вы же тот самый, стрыковский?!» Вот и начались припадки от нервов.

Мармеладов распахнул дверь и гаркнул в коридор:

— Серафима! Неси воды в плошке, да поскорее!

Растрепанная баба в полинявшей хламиде, наброшенной поверх ночной рубашки, появилась на пороге с недовольным фырканьем.

— Ишь, язвец! Сызнова писателя до обморока довел? Говорила я тебе, мягче надо с людьми-то, трепетнее надо. А ты как обычно.

Ворчание оборвалось по двум причинам. Служанка увидела Шубина, с первого взгляда оценила его костюм и поняла, что русские писатели столько зарабатывать не могут, тут высокий чин брякнулся без сознания, а значит, дело серьезное. Кроме того, она разглядела Митю, стоявшего у окна — широкоплечего усача с пламенеющими глазами. Покраснела от смущения за свой затрапезный вид, грохнула на стол миску с водой и выбежала из комнаты.

Через пять минут вернулась в темно-синем сарафане, с заплетенной наспех косой. Эта перемена мало что изменила: как ни старайся, а не спрячешь вытянутое книзу, будто оплывшее, лицо или фигуру, напоминающую каплю — узкие плечи и, напротив, слишком широкие бедра. Серафима не считала себя красавицей, но зато знала короткий путь к сердцу любого мужчины, поэтому держала в руках поднос.

— Не желаете ли чаю, господа хорошие? — щebetала она. — Бараночки, еще теплые, мягонькие,

но при этом хрустят отрадно. Варенье из гонобо-
беля¹, а туточки сахар колотый.

— Спасибо, Симуня, ты просто ангел! — Мар-
меладов укладывал смоченный носовой платок на
лоб финансиста. — Надо почаще приглашать в го-
сти Митю, иначе не видать мне сахара. Он мужчи-
на казистый, отставной гусар и, скажу тебе по се-
крету, имел успех у придворных дам! Да, представь
себе, недавно добился благосклонности одной из
фрейлин...

Почтмейстер при этих словах выпрямился, втя-
нул живот, а Серафима побледнела и опустила го-
лову.

— Бурный роман закончился плачевно. Прекрас-
ная Катерина дала ему отставку и сразу после По-
кровы обвенчалась с юным дворянином из Герцего-
вины. Известно ведь, что женская ласка да морская
затишь равно ненадежны...

Теперь уже Митя помрачнел и отвернулся, а слу-
жанка засияла, как начищенный самовар.

— Но все это дребедень. Обморочный приходит
в себя, и дальнейший разговор будет крайне далек
от амуров и прочих глупостей. Ступай, душа моя.
Ступай!

— Ежели захотите еще чего, только кликните, —
обращалась она ко всем присутствующим, но взгляд
ее завяз в завитых Митиных усах. — Я рядышком.

На этот раз поставила поднос очень аккуратно и
выплыла за дверь, кружась, словно в хороводе.

¹ Голубика (*устар.*).

— Доволен? — буркнул почтмейстер. — С утра такое чудесное настроение у меня было. Нет же, расшевелил рану сердечную.

— Это чтоб быстрее заживала. — Мармеладов схватил кусок сахара и громко захрустел. — Однако нам пора перейти к загадочному делу господина Шубина!

Стонущего финансиста усадили поудобнее, напоили горячим чаем, после чего он пересказал историю, свидетелями которой читатели стали чуть ранее. Добавил известную лишь ему деталь: казенная карета за собранными пожертвованиями должна была прибыть в понедельник, то есть время рассчитано идеально. На день раньше грабитель взял бы вполосину меньше денег, на день позже в кассе уже ничего бы не осталось.

— Все говорят — бомбист, бомбист, — вздохнул Иван Лукич. — А он этой жестяной коробки боялся до одури. Как повесили на шею, так и ходил, словно бык с колокольчиком. Извозчика не взял, пешком шел, потому что от малейшего сотрясения...

Тут он выкрикнул:

— Бу-у-уммммм!

Митя вздрогнул, пролил чай на пол и принялся ругаться на все лады. Из невнятных обрывков, которые тонули среди проклятий, сложилась более или менее понятная фраза:

— Откуда же у него бомба взялась?

Директор сберкассы изложил историю, записанную в полицейский протокол со слов господина в цилиндре. Будто бы рано утром того же дня в его

квартиру на Покровском бульваре ворвались три дюжих молодца. Описание дал подробное: лысый амбал в красной рубахе, худощавый брюнет, годами еще мальчишка, и третий — одноглазый. Все с револьверами! Достали из мешка бомбу и силком надели бедолаге на шею. Дали четкие инструкции: ограбишь такой-то банк, принесешь деньги туда-то. Тогда снимем с тебя жестянку. А пойдет что не так...

— Бу-у-уммммм!

— Прекращайте это представление, Иван Лукич! — возмутился почтмейстер. — Право слово, излишняя демонстрация. Вы рассказывайте, как на деле вышло.

А вышло премерзко.

В Кокоревском саду — где и было условлено, у центральной клумбы, — ожидал господина в цилиндре один из бандитов. Тот, который с повязкой на глазу, как у пирата. Вырвал он сверток с деньгами и убежал, не говоря ни слова, запрыгнул на ходу в извозничью коляску. В каком направлении поехал «пират», подневольный бомбист не заметил, он просто сел и стал ждать, что произойдет...

Шубин уже набрал в грудь воздуха, чтобы в третий раз проорать «Бу-у-уммммм!», очевидно, это его как-то успокаивало. Но бдительный Митя кашлянул в кулак, пресекая безобразие.

— Бомбу мы решили сбросить в реку, от греха подальше. Кто-то сказал, что читал в газетах подобную рекомендацию. В этом случае взрыв будет не таким мощным. Обойдется без жертв и разрушений. Пошли к Яузе...

— Кто читал? — уточнил сыщик.

— Ох, я не помню. Но точно не городской, этот, поди, и читать-то не умеет. А я газеты не люблю, изредка финансовые отчеты просматриваю.

— Выходит, идею подсказал сам бомбист-невольник, — подытожил Мармеладов. — А почему же он еще до ограбления не сбросил бомбу с первого же моста? Мог освободиться, не пришлось бы грабить сберегательную кассу!

Шубин мелко закивал, соглашаясь:

— Верите ли, я о том же подумал. Вопрос ему задал в полицейском участке, а он ответил: «Боялся, что следом крадутся те самые молодчики с револьверами». Это состояние мне как раз очень понятно, сам в нем пребывал. Поначалу казалось, что грабитель у нас в конторе был дерзок и говорил довольно презрительно. А потом уж понял — это от страха. Он даже цилиндр свой обронил в саду, а потом и не вспомнил ни разу. Я же, наоборот, надел его на голову, думал — улика, не в руках же носить. А после напрочь забыл. Вспомнил, когда уже к вам в карете подъезжали.

Шубин поставил шляпу на стол, поверх бумаг. Спихнулся, что она тоже мокрая, письмам от этого пользы не будет, — сдернул со стола, перевернув при этом блюдце с вареньем. Застыл в нелепом положении, густо заливаясь краской.

— Простите, неловкость вышла.

— Вздор, вздор, — отмахнулся Мармеладов, не замечая густых капель, падающих с края стола. — Стало быть, грабитель так и не вспомнил про цилиндр ни разу?

— Ни единого!

— Занятный факт. Не хочу торопиться с выводами, но смотрите, какая странность, — он взял из рук директора помятый головной убор и водрузил на голову. — Мы носим шляпу и не думаем о ней. Но руки непрестанно трогают ее, поправляют на ветру, приподнимают при встрече с друзьями и всячески привыкают к этому.

Сыщик исполнил несколько жестов, прекрасно знакомых каждому. Действительно, согласился Митя, фуражку или эту жуткую треуголку он поправляет сто раз на дню, не задумываясь.

— Представим далее: руки привыкли трогать шляпу, но ее на голове нет. При очередном привычном жесте человек обнаружит пропажу — пальцы утыкаются в пустоту. Не может быть по-другому. Обычно так мы понимаем, что забыли где-то шарф, потеряли очки или, вот, шляпу.

— Верно! — выкрикнул Шубин таким тоном, словно кричал «браво» в театре. Он воодушевился той легкостью, с которой сыщик делает умозаключения. — Отличный фокус! А что вы можете угадать про владельца этого цилиндра?

— Неужели вы и вправду думаете, что я фокусник?!

Впрочем, сыщик взялся за эксперимент с интересом. Погладил широкие поля и тулью, поднес к свету, чтобы заглянуть внутрь. Через две минуты сказал:

— Тот, кто заказал эту шляпу, любит привлекать к себе внимание — заметьте, на полтора вершка выше, чем обычный фасон. Очевидно, по роду занятий он публичный человек. Не из дворян — те обязательно повязывают яркую ленту, а здесь черная.

Не из купеческих кругов — вещь дорогая, хороше-го шелка и с блеском, а купцы все жмутся карма-ном. Кто остается? Писатели и артисты. Писатели нынешние либо играют в социалистов и носят мя-тые картузы, либо сидят в имениях затворниками, с утра до вечера марая бумагу... За модой им никак не поспеть. Стало быть, хозяин этой вещицы — актер. Смею утверждать, что это Михаил Ардалионович Столетов из Малого императорского театра...

— Да! — восхитился Шубин. — Но как такое можно угадать?

— Вы же сами описали грабителя: высокий лоб, длинные шевелюры с проседью, борода. Из всех из-вестных мне актеров только этот обладает полным набором... К тому же внутри — вот тут, видите? — ярлычок вышитый: «собственность М. А. Столе-това».

— Ах, *mystificateur*¹, — рассмеялся Митя. — Уж разыграл так разыграл!

— Но ограбил кассу артист, да-да, — воскликнул Шубин. — Это его разыграли — жестоко и бесче-ловечно. Бандиты навесили жестянку, в которой не было взрывчатки. Обманку! А человек чуть не умер от страха. Когда полиция обнаружила, что бомба фальшивая, Столетова отпустили, взяв обещание не покидать город. Все-таки уважаемый человек, а не преступник. Такая же несчастная жертва, как и я.

— Давно? — встрепенулся Мармеладов.

— Что? Не понимаю вашего вопроса...

— Отпустили из-под стражи? Давно?

¹ Обманщик (*франц.*).

— Часа три назад. Он обещался сразу домой ехать.

Сыщик схватил своё пальто, переброшенное через спинку кресла.

— Вы адрес запомнили, Иван Лукич? Надо ехать к нему, немедленно. Митя, подсказки, где нам лучше извозчика в такую погоду отыскать.

— На Воздвиженке, у Шереметьева двора. Там всегда стоят. А к чему такая спешка? — недоумевал почтмейстер по поводу столь внезапной перемены в поведении приятеля.

Тот безуспешно ловил за свою спиной правый рукав пальто.

— Потому что жизнь артиста в опасности. Бандиты придумали идеальный способ, как получить деньги, не подвергаясь риску. Кроме Столетова, никто их не видел и опознать не сможет. Им выгодно убить посредника и замести этот след раз и навсегда. Слушая ваш рассказ, я решил, что они потому и не стали обезвреживать бомбу, оставив актёра на верную смерть в Кокоревском саду. Но если они надели ему на шею обычную коробку, шутиху... Стало быть, заранее решили, что наведаются позднее и заставят его умолкнуть навсегда!

Мармеладов вытолкал остолбеневшего финансиста за порог. Митя нахлобучил треуголку и поспешил вслед за ними.

V

Дождь к этому времени заменила мелкая колючая крупа, которая сыпалась с неба с одной лишь целью — досаждать редким прохожим да проезжим.

Всем, кто отважился выйти в промозглые улицы. Воздух стал холоднее и к тому моменту, как подъехали на Покровский бульвар, Митина шинель покрывалась изморозью.

Коляска остановилась у доходного дома Чердынцевых.

— Приехали, нужный адрес, — отрывисто пролаяла возница из бороды, побелевшей от инея.

Почтмейстер отсчитал три монеты, добавил одну сверху.

— Далеко не уезжай, — он наклонился к кучеру и зашептал самым заговорщицким тоном. — На углу постой, вдруг придется за кварталным ехать. А за хлопоты получишь еще.

Извозчик, одуревший сразу и от невиданного доверия господина с золотыми пуговицами, и от обещания щедрой mzды, начал заикаться.

— Н-н-нешто ж мы не п-п-понимаем! Все с-с-сделаем в лучшем виде.

Но Митя уже не слушал, бежал к воротам, закрытым наглухо, — оно и понятно, время к полуночи. Мармеладов и озябший до синевы директор сберкассы колотили по чугунной решетке, убеждая заспанного привратника отпереть и впустить. Тот отбивался строгим «не велено!» Он вскочил с постели, натянул кое-как галоши на босу ногу, набросил тулуп — торопился, думал, случилось что. А тут какие-то сомнительные персонажи к артисту Столетову, видите ли. Стучат, ругаются. Надо бы припугнуть полицейским свистком, подумалось ему.

Но тут из ледяного дождя выступила внушительная фигура в треуголке. Сторож мигом загремел

ключами, ведь в бытность его мальчонкой господ в таких же вот франтоватых шляпах не моргнув глазом могли отдать приказ: запороть строптивца вожжами. Насмерть. И никто бы с них за это не спросил. Вроде бы времена поменялись, вольная давно выдана. Закон един для всех писан. А все же боязно.

— Входите, ваше-ство! Простите великодушно, не признал-с!

Внутренний двор был устроен по типу «колодца», войти в него можно лишь с одной стороны, через те самые кованые ворота, и далее через три крыльца жильцы расходились по квартирам.

— Куда здесь к Столетову? — строго спросил Митя, принимая роль строгую и начальственную.

— Вот-с, туда, — ткнул в левую дверь дрожащий палец. — Михайла Ардальоныч там один проживает, во втором этаже. Остальные квартиранты съехали-с.

Почтмейстер решительным шагом направился к крыльцу, но был остановлен робким покашливанием.

— Не извольте гневаться, ваше-ство, но вы до господина артиста вряд ли достучитесь.

— Почему? — окоченевший финансист притопывал на месте, чтобы хоть как-то согреться. Но услышав ответ, натурально остолбенел.

— Он уж час как мертвый.

— Мертвый? — взревел Митя. — Так чего ты, вошь собачья, околоточного не позвал?!

Привратник, озадаченный его реакцией, ненадолго опешил, а потом замахал руками.

— Что вы, что вы... Не в том смысле мертвый, это не приведи Господи! — Тут он перекрестился. — Михайла Ардальоныч каждый вечер напивается до мертвецкого состояния. Возвращается из театров уже тепленький. После, в квартире, добавляет и в открытое окно роли разыгрывает. Громко так, с чувством. Нынче окон не отворял, по причине холодов, но и так все слышали-с. А как еще добавит, так и падает навзничь. Храп стоит до утра, да вот хоть сами послушайте.

Из неплотно закрытого окна второго этажа и вправду раздавалось равномерное похрапывание.

— Так глубоко спит, что добудиться невозможно. Вы приезжайте к полудню, ваше-ство. Господин артист как раз в сознание придет-с.

На душе у Мити потеплело от этой забавной коллизии. Но если Мармеладов прав, то жизни артиста по-прежнему угрожает банда опасных молодчиков во главе с «пиратом».

— Что же, приедем, непременно приедем. Вот что... Как говоришь, тебя зовут? Харитон? Вот что, проследи, чтоб никто чужой до того времени к Столетову не шастал, особенно подозрительные типы с повязкой на глазу.

— А то давеча упустил троих, и вон как аукнулось! — вклинился Шубин.

Сторож, оробевший от Митиной треуголки, на финансиста реагировал иначе.

— Это кого же я упустил? — встал он в позу, уперев руки в бока. Тулуп при этом распахнулся, оголив заштопаннные портки и желтушную, хотя и крепкую грудь.

Иван Лукич отступил на полшага.

— Столетов сам сказывал... Для протокола... Трое ворвались к нему, набедокурили, а после вывели под белы руки...

Харитон запахнул тулуп, все-таки зябко для широких жестов.

— Наговариваете, барин! А вот что я скажу, хоть для протокола, хоть перед Богом, — он опять осенил себя крестным знамением. — Давеча весь день, безотлучно, лестницу починял! Две ступеньки заменил, перилы правые. Никто к господину артисту не заходил и тем более не врвался, — да разве ж я бы такую подлость позволил? Только посыльный из лавки принес пару бутылок вина, а больше никаких посетителей. Истинный крест!

В третий раз перекрестился, отметаая всякие наветы. Честный слуга, никакого безобразия не допускающий.

— Но как же... — бормотал Шубин. — Протокол же...

Митя тоже запутался в открывшихся фактах, поэтому оглянулся к Мармеладову, тот ведь мастер объяснять. Но сыщика не оказалось рядом. Воспользовавшись моментом, он незаметно ускользнул и осмотрел лестницу, ведущую во второй этаж. Теперь вернулся на крыльцо и с живейшим интересом слушал отповедь Харитона.

— А у вас какое мнение? — спросил Шубин, хватаясь за это мнение, как утопающий за соломинку.

— Врет он, — откликнулся Мармеладов.

— Копоть печная! — почтмейстер замахнулся на привратника.

Сыщик одним прыжком оказался подле них и перехватил руку приятеля.

— Ох, Митя, до чего же горяч, даже в холодную осень! Не дослушал, не разобрался... Столетов врет. Не было у него никаких бандитов. Мне двух спичек хватило, чтоб ступеньки осмотреть. Лестница пыльная, давно не метенная, следы видно четко. У артиста сапожищи большие, подкованные. У юнца из лавки — нога узкая, подметки дырявые. Столетов поднимался шатко, мотало его из стороны в сторону. Посыльный шел ровно, у самой стены. А больше там никто не проходил. Трое здоровых лбов натоптали бы, что твои слоны. Так что выдумал артист эту историю.

— Зачем? — взмолился финансист. — Зачем ему это нужно? И где же украденные деньги?!

— Это мы спросим у него лично, когда проспится, — Мармеладов протянул привратнику серебряный рубль, за беспокойство. — Зови, Митя, извозчика. Разъедемся по домам, греться.

VI

С утра шел снег. Мягкие белые хлопья облепили треуголку, придавая ей еще более нелепый вид, — словно достойный почтмейстер водрузил на голову плюшевого медведя, из прорех которого торчит вата. Митя уже многократно зарекся спорить с Ковничем, да хоть бы и с кем другим, на потешный заклад. Отныне — только на деньги. Проигрыш больно бьет по карману, но это легче перенести, чем такое вот унижение.

— Может, лучше вовсе не спорить? — спросил Мармеладов, угадавший мысли приятеля.

— Чем же тогда жить? — воскликнул Митя. — Сам посуди, жизнь у меня спокойная, служба — скука смертная. Азарту нет. Летом на ипподроме скачки, я всегда ставлю против фаворита. Ты представить не можешь, какое это чувство... На последнем повороте конь вырывается вперед, наездник уже привстал в стремях, салютует публике... И тут слева, на рысях, твоя темная лошадка. Набирает темп, обходит чемпиона на полкорпуса, на корпус. Стрелой несется вперед. Мужчины орут, дамы визжат, и ты, вместе со всеми, захваченный азартом, кричишь: «Давай, давай, родная! Дава-а-ай!»

Он и вправду закричал на весь бульвар, тут же смутился и добавил тише:

— Вот этого хочется. С судьбой играть, смеяться в лицо опасности. А сейчас ипподром закрыт до весны, хочется азарта и приключений, которые взбодрят кровь.

— Рискну предположить, — усмехнулся сыщик, — что на ипподроме люди молятся искреннее, чем в церкви.

— Все напропалую молятся! — подтвердил Митя. — Николе Угоднику, архангелу Гавриилу, потом еще нашему гусарскому святому, а также Фролу и Лавру — покровителям лошадей. И, конечно, святой Варваре.

— Любопытно. А ей-то почему?

— Так она же от молнии уберегает. А на скачках каждый второй кричит жокеям: «Разрази тебя гром!»

Прятели брели пешком, поскольку Мармеладов захотел узнать, сколько времени ушло у актера Столетова на вчерашнюю прогулку с бомбой. Выходило так: от дома до сберегательной кассы — около двадцати пяти минут, после до Кокоревского сада еще полчаса, оттуда до набережной Яузы примерно столько же.

— Если учитывать время, пока Шубин с помощником перекладывали деньги из несгораемого шкапа в гербовый пакет, да сидение актера возле клумбы, то получается больше двух с половиной часов.

— С похмелья такая прогулка излишне утомительна. Да ещё с тяжелой жестянкой на шее, — вздохнул Митя. — Мне всю ночь не давала покоя эта история. Раз Столетов все выдумал про бандитов, может, он сам соорудил фальшивую бомбу? А страх и рыдания искусно разыграл. Он же артист, ремесло у него такое.

— Это невозможно, — улыбнулся сыщик. — Мы с Михаилом Ардалионовичем знакомы шапочно, близко не разговаривали. Но готов спорить, коль уж ты жить не можешь без азартного заклада, что руки у актера дрожат от постоянных возлияний. Тут галстух повязать — целый подвиг, не то что бомбу смастерить.

— Так она же не настоящая, а значит, и не опасная.

— Но выглядела как настоящая. И капсуль с ртутью, судя по словам Шубина, был подлинный. А это хрупкая штука. Стекло тонюсенькое, одно неосторожное движение — лопнет. Трезвый человек без

сноровки и то не сумеет склянку в студне правильно утопить, а Столетов тем более.

— Кто же ее соорудил?

— Известно кто — вольнодумцы. (С легкой руки господина N и его предшественников из охраны слово это давно уже стало ругательным.) Здесь явно замешаны заговорщики, — Мармеладов помолчал, раздумывая. — Иначе просто не складывается. Вот возьмем пример: если бы ты, Митя, захотел бомбу сделать...

— С чего бы я захотел? — насупился почтмейстер. — Но если и допустить такое, все равно не сумел бы. Из чего ее собирать?

— Разумеется! Тут нужны знания, химические вещества, а главное — опыт. Даже на горных штольнях, где часто взрывчатку используют, случается, гибнут люди. А бомбисты, те постоянно на своих же снарядах и подрываются, мне в редакции «Ведомостей» по секрету сообщили. Писать-то про это нельзя, цензура бдит...

Он остановился, щурясь на пригоршни снега, которые ветер швырял в лицо.

— Заметь! Ещё одна ложь Столетова. Артист предложил зашвырнуть бомбу в реку, чтобы взрывом никого не убило. Сказал, что в газете этот совет читал, но подобные статьи запрещено печатать! Месяц назад взорвали контору обер-полицмейстера, а газеты молчат. В подпольном «Боевом листке» напишут, положим, еще в листовке народовольческой. Но откуда светский лев мог об этом узнать?

— Действительно, откуда? Я вот прежде и названия такого не слышал — «Боевой листок».

— Столетов якшается с бомбистом. Тот передал ему жестяную коробку, не предупредив, что это игрушка. Артист боялся ее, шибко боялся, в таком беспокойном состоянии был, что цилиндр любимый забыл в саду. К тому же сетовал, что его обманули, — стало быть, прежде доверял преступнику и жестоко ошибся. Но при этом на допросе старался выгородить сообщника. Соврал про трех бандитов — наверняка соврал и приметы выдумал! Хотел отвести подозрение от кого-то, направил полицию по ложному следу. Что выходит из этих рассуждений?

Мармеладов посмотрел на Митю своими темными глазами, в которых забрезжила догадка.

— Бомбист — близкий ему человек. Любовница отпадает, по слухам, они у Столетова все солидного возраста, графини либо баронессы. Остается родственник.

— Брат, — предположил почтмейстер.

— Или сын. Но чего мы гадаем, скоро сами все у артиста и спросим. Пришли, вон и Шубин выплясывает под окнами.

Ограбленный финансист и вправду не мог стоять на одном месте — до того нервничал, что и глаз левый начал закатываться. Иван Лукич бросился навстречу. Вцепился в рукав Митиной шинели и, как волжский бурлак, тянущий бечевой огромную баржу, повел его к крыльцу.

— Идемте, идемте же скорее!

Квартира артиста Малого императорского театра Столетова обставлена была весьма колоритно. На

стенах афиши бенефисов, среди которых выделяется аршинное полотно с выведенным красной краской названием «Эмилия Гал...» Далее прочесть невозможно, сверху надпись перекрывают «Лес» и «Гроза». На подоконнике горделиво выглядывают из-за подвернутой бархатной шторы пять хрустальных графинов с нарисованными золотыми птичками. Митя толкнул сыщика локтем и тихонько присвистнул: знаменитые «журавли» из ресторана «Славянский базар», в них подается лучший коньяк тем гостям, кто завтракает аж до трех часов дня. Стоит каждый «журавлик» по пятидесяти рублей. На столе и бюро теснятся пустые и початые бутылки рангом поскромнее. Одну из них Столетов потряс, взбалтывая содержимое, сделал изрядный глоток и обратился к вошедшим:

— С чем пожаловали?

Он явно привык жить на широкую ногу. Халат носил парчовый, хотя и давно не стиранный. В этом золотом роскошестве артист возлежал на широкой кровати у окна. Выслушав посетителей, взболтал бутылку и приложился к горлышку, в этот раз — надолго. Потом заговорил:

— Грабеж... Бомба... Что вы такое лопочете? — Помятое лицо Михаила Ардалионовича выражало беспросветную скуку, но голос был прекрасного тона, такой непременно должен покорять сердца зрителей, особенно дам. — Вчера мне нездоровилось, потому из дома не выходил. Ни днем, понимаешь, ни вечером.

— Да как же? А протокол?

Мутные глаза Столетова на миг сфокусировались на лице финансиста, но потом он брезгливо поморщился.

— Нет, все равно не понимаю, что вы городите. Какой еще протокол?

— Вы же при мне, сударь, давали объяснение квартальному надзирателю, — Шубин побледнел и схватился за сердце.

— Бог с вами, господа. Шутить надо мною вздумали? — набычился Столетов. — Говорю же вам, я вчера из дома не выходил! До самого спектакля.

— Ах, видали вы такое? Скажите, да есть ли предел людской подлости, — закипал финансист, еще больше бледнея. — Денег казенных украл на двенадцать тысяч... И брешет!

Актер сел, спустив с кровати голые ноги, отхлебнул еще вина.

— Я понял. Обычно бывает, что мне изменяет разум, если выпью лишку. Теперь вижу, что и вы в опойной горячке теряете разум, потому и выдумываете подобные нелепицы.

— Но деньги! Где же деньги?

— Деньги? — ощерился Столетов. — Двенадцать тысяч, так вы сказали?

— Да, да! Где они?

— Послушайте... Да если вы всю мою квартиру перевернете, тут и трех рублей не наберется!

Иван Лукич сделался страшен лицом. Непонятно было: то ли бросится на артиста, то ли свалится в припадке. Митя на всякий случай подступил к нему ближе, придержал за локоть. Хотел успокоить,

но это возымело обратный эффект. Чувствуя поддержку почтмейстера, Шубин решился дать выход своей ярости. Он вцепился в отвороты парчового халата и закричал:

— Верни деньги, сволочуга! Верни-и-и-и!!!

Столетов сперва опешил от такой наглости, но потом ответил гневно:

— Да ты кто такой? Ты червяк. Захочу — поми-
ую, захочу — р-р-раздавлю!

Положил свою широкую ладонь на вспотевший лоб Шубина и оттолкнул. Тот впечатался бы затылком в стену с афишами, но Митя успел его подхватить и удерживал в крепких объятиях, пока упрямый финансист пытался вырваться, пыхтя и ругаясь на все лады.

— Скажите, любезный Михаил Ардалионович, — почтмейстер решил свести разговор в иную плоскость, а заодно успокоить и артиста, поэтому добавил в голос елая, — какой спектакль вчера играли в Малом? Я, знаете ли, давно не бывал в театрах, хотя прежде захаживал...

Столетов отмахнулся от него жестом, каким обычно прогоняют назойливую муху.

— Вам-то что за интерес?

— Неужто забыли?

— Что за оскорбительные намеки?! — возмутился артист. — Я пока еще в своем уме. Чего не скажешь о вас. Пришли непрошеными, поклепы наводите... Я прекрасно помню, что вчера давали «Эмильку». Не люблю эту пьесу, мне там играть нечего. Знай глаза выкатывай да ори погромче. Да и смотреть, как Машеньку щупают другие, — никакой радости.

Другой разговор — испанцы. Я в «Овечьем источнике» одну красотку за бочок ущипну, другую на колени посажу. А Ермолову, помнится, прижал, аж душа вон. Командору все дозволено!

Он захохотал, но в смехе этом не было веселья, одна злость. Артист упивался собственной значимостью.

Мармеладов, до того скрывавшийся в затененном углу, вышел на свет.

— Господин Столетов, обычно вы выбираете роли серьезные, трагические. Но, видимо, пришло время сменить ампулу.

— С чего бы это?!

— Вы же перед нами комедию разыгрываете. Убедительно, — сыщик нарочито медленно хлопал в ладоши, изображая театральные аплодисменты. — Я даже готов поверить вам на слово. Вот только... Мы с приятелем поспорили, кем вам приходится тот бомбист, что замыслил это ограбление. Братом? Или сыном?

Столетов закашлялся, поперхнувшись вином. Вскочил на кровати, попирая ногами подушки и возвышаясь над сыщиком на две головы. Лицо актера налилось кровью, чуть не до черноты, а жилы на лбу взбугрились — вот-вот лопнут.

— Брат-бомбист? Вы, похоже, хотите втянуть меня в какой-то прескверный водевиль! Не выйдет! — Голос его заполнил комнату, выплеснулся в приоткрытое окно, раскатился далеко по двору, где другие жильцы и привратник Харитон внимали этому монологу. — Не выйдет, господа! У меня связи при дворе! Я самого Потемкина-Таврического на ас-

самблее в Зимнем дворце играл! А вы хотите произвол учинить? Дудки! Вон отсюда, вероломные людишки! Па-а-адите про-о-очь!!!

Он задохнулся и замер, словно в ожидании аплодисментов. А когда досадные посетители скрылись за дверью, привычным жестом взболтал бутылку и, допив остатки, отшвырнул ее в угол.

VII

По лестнице Митя шел первым, взвешивая про себя, врет актер или не врет. На первый взгляд возмущение выглядело сокрушительно-настоящим. С другой стороны, все в империи, а также и во многих заграничах знают: Столетов — талантище. Что ему возмущение разыграть? Запутанная история...

В отличие от тихого и задумчивого почтмейстера Шубин спускался с причитаниями. Разобрать, что он бормочет, не представлялось возможным, хотя и без того понятно — Иван Лукич пенял на судьбу. Ограбленному директору представлялось, что он сходит с ума. А может, все привиделось в кошмарном сне? Он вот-вот проснется, пойдет в контору, выдаст деньги курьеру, и тот на казенной карете...

Шлеп! Тяжелый шмат снега накрыл его с головой. Это происшествие возникло из-за Харитона — привратник чистил двор от выпавшего безобразия и кидал за крыльцо, подальше от людей. Но рука соскользнула, и снежная плюха прилетела в лицо финансиста. Тот, отплевываясь, завопил:

— Каторжная морда! Что творишь?.. — и тут же осекся, поднял испуганные глаза на Мармеладова. Сыщик ведь тоже отбывал срок в сибирских острогах. Обидеться может.

Но тот как будто не заметил. Подошел к слуге, будничным тоном задал вопрос:

— Артист вчера из дома выходил?

Привратник испуганно оглянулся на окна второго этажа.

— Голову мне снимет, коли узнает, что проговорился. В четвёртом часу прибыла карета от госпожи Д... Михайла Ардадьоныч на ней уехали-с. Вернулся поздно вечером, уже после спектакля. Еще держался на ногах. Извозчик его до квартиры довел...

— Невозможно! — Шубин только что волосы на голове не рвал от отчаяния. — В половине пятого мы прибыли на допрос, в участок. И до восьми были там. Или я действительно схожу с ума и ничего подобного в реальности не случилось?

— Есть как минимум две улики, которые помогут убедиться, что вы в своем уме. Первая — вот эта шляпа, — Мармеладов поднял цилиндр, сбитый снегом с головы директора сберкассы. — В суете вы забыли вернуть головной убор хозяину, хотя и намеревались это сделать.

— Точно, цилиндр! — воскликнул Митя. — Вернемся? Пусть попробует это объяснить.

— Этот ловкач с ходу придумает несколько правдоподобных объяснений: не вернули из чистки, подарил слуге забавы ради, проиграл пари. Столетов солгал уже не раз, потому слова его нам без надобности. Улики ценнее. А вторая улика — это прото-

кол. Тот, кто дает показания, должен их подписать. Стало быть, нам надо просто сравнить подписи!

— Но где мы возьмем автограф артиста? — жалобно спросил Шубин.

Сыщик вынул из кармана клочок бумаги величиной с ладонь.

— Пока Столетов бесновался, испепеляя вас взглядом и отбиваясь от господина Шубина, я незаметно оторвал кусок афиши с его подписью. Там их несколько в ряд было. Уж не знаю, зачем — то ли актер руку расписывал, то ли из самолюбования их везде рисует... Предлагаю отправиться в участок и проверить, совпадают ли эти закорючки с теми, что в протоколе.

Приятели вышли со двора, Иван Лукич понуро плелся за ними. Потом догнал, остановил и сбивчиво зашептал, ломая руки:

— А если там никакого протокола нет? Вдруг и правда наваждение?

VIII

Протокол был. На пяти листах, скрепленный подписями — все честь по чести. Иван Лукич и Митя спорили, один считал, что документ подписывал актер, но спьяну и потому пальцы дрожали, другой же уверял, что некто пытался подделать автограф Столетова, да не слишком удачно вышло.

Мармеладов же смотрел по сторонам. В душном помещении толпились несколько дурно одетых посетителей, все расходились к двум столам, за которыми полицейские чины занимались рутин-

ными делами. Им выделили относительно свободный угол, куда падал свет из зарешеченного окошка. Стульев не было, приходилось стоять, учитывая низкие потолки, чуть сугуля плечи.

Все верно, так и должно быть организовано в полицейском участке — чтобы каждый проходящий сюда прямо с порога почувствовал себя неуютно. И чем дольше пребывал, тем выше степень неудобства становилась. Любая встреча с законом и его представителями в этих конторах, по замыслу неизвестного гения, должна вызывать не страх и ужас, эти-то ощущения как раз быстро притупляются, им на смену приходит равнодушие, — нет, и не отвратительно-липкую тошноту, как на рыбном рынке в жаркий день, все-таки здесь государева служба. Не то. В подобных местах на посетителя должна сразу накатывать паническая безнадега, лишая его сил и эмоций, чтобы не смел впредь сюда соваться с пустячными своими проблемами. Само устройство этого мирка служит прекрасной профилактикой мелких нарушений законности: вот так захочет кто кошелек украсть или соседку поленом прибить, трижды подумает и, может, откажется от злодейского замысла, лишь бы не таскали в участок на разбирательство.

Прежде полицейская братия представлялась Мармеладову сворой оскаленных псов, а сейчас в его сознании возник образ крысиной стаи — эти тоже могут загрызть до смерти, но процесс сей будет гораздо противнее.

— Что с тобой? — отвлек от размышлений почтмейстер.

